

ALFRED DÖBLIN



BERLIN
ALEXANDERPLATZ

АЛЬФРЕД ДЁБЛИН



БЕРЛИН
АЛЕКСАНДРПЛАЦ



Издание подготовили
А.В. МАРКИН, Н.С. ПАВЛОВА,
Т.А. БАСКАКОВА

Научно-издательский центр
«Ладомир»
«Наука»
Москва



Альфред Дёблин
(1878–1957)

БЕРЛИН
АЛЕКСАНДР ПЛАЦ

ИСТОРИЯ
О ФРАНЦЕ БИБЕРКОПФЕ





Эта книга повествует о бывшем берлинском цементнике и транспортном рабочем Франце Биберкопфе. Его выпустили из тюрьмы, где он сидел за старые дела, и вот он снова в Берлине и хочет стать порядочным.

Вначале это ему удается. Но затем, хотя материально ему живется сносно, он оказывается вовлеченным в упорную борьбу с чем-то, что приходит извне, что непостижимо и похоже на судьбу.

Прижды обрушивается оно на нашего героя¹ и ломает его жизненный план. Оно наступает на него мошенничеством и обманом. Но тут он еще справляется, он держится на ногах.

Тогда оно наваливается на него и бьет подлость. Тут ему уже трудно подняться, силы его уже на исходе.

Наконец, оно ударяет в него миной с неслыханной, чудовищной жестокостью.

Теперь наш герой, который стойко держался до последней минуты, окончательно сломлен. Он считает игру проигранной и не знает, как быть дальше, его песенка, по-видимому, спета.

Он уже готов радикально покончить с этим миром, когда у него способом, о котором я пока умолчу, снимают с глаз пелену. Ему становится совершенно ясно, из-за чего все так

КНИГА ПЕРВАЯ¹

В начале ее Франц Биберкопф покидает тюрьму в Тегеле², куда привела его прежняя беспутная жизнь. Ему трудно снова устроиться в Берлине, но в конце концов это ему удается, чему он немало рад, и он дает себе клятву быть порядочным человеком.

КНИГА ВТОРАЯ

Итак, мы благополучно вернули нашего героя в Берлин. Он принес клятву, и возникает вопрос, не закончить ли нам на этом свое повествование. Финал кажется приятным и незамысловатым, конец напрашивается сам собою, и все в целом отличалось бы великим достоинством — краткостью.

Но это не какой-нибудь первый встречный, это Франц Биберкопф. Я вызвал его к бытию не для забавы, а для того, чтобы пережить его тяжкое, подлинное и просветляющее существование.

Франц Биберкопф перенес суровое испытание, но теперь он, широко расставив ноги, прочно утвердился на берлинской почве, и если он говорит, что хочет быть порядочным человеком, то мы можем ему поверить, — он им и будет.

Вы увидите, как он несколько недель оставался порядочным. Но это до некоторой степени лишь простая отсрочка.

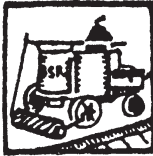
Жили некогда в раю два человека, Адам и Ева. Поместил их туда Господь, создавший животных и растения и небо и землю. А раем был чудный сад Эдем. Произрастали в нем цветы и деревья, резвились звери, никто не мучил других. Солнце восходило и заходило, то же делала и луна, весь день в раю царила одна лишь радость¹.

Начнемте же веселей. Давайте петь и играть: ручками мы хлоп, хлоп, хлоп, ножками мы топ, топ, топ², раз сюда, раз туда, раз кругом, в том нет труда.

ФРАНЦ БИБЕРКОПФ ВСТУПАЕТ В БЕРЛИН³



ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ



ОЧИСТКА ГОРОДА И ГУЖЕВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ



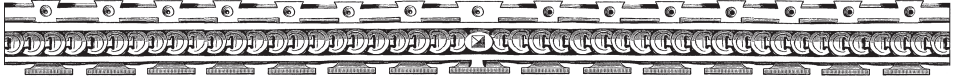
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ



ПОДЗЕМНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ДОПОЛНЕНИЯ





Альфред Дёблин

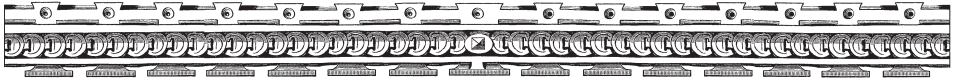
БЕРЛИН И ХУДОЖНИКИ

Ответ на анкету:

*Правда ли, что Берлин мешает и отвлекает
от художественного творчества?*

Я отвечаю на эти вопросы по отдельности. Во-первых: отвлекает ли город от художественного творчества? И затем: мешает ли художественному творчеству Берлин? Ответы касаются исключительно моей персоны. Во время войны я поневоле провел эксперимент: запертый на долгие, долгие месяцы в маленьком провинциальном городке¹ — большой деревне, идиллической до отвращения, я частенько ездил по делам служебного и личного характера в эльзасский Страсбург. Меня будто ударило электрическим током, когда, выходя из вокзала, я видел городские дома, садился в трамвай, заглядывал в универсальный магазин. Поток гуляющих по Клеберплац² людей, сотни лиц, сотни дел, тумбы с афишами, чистильщики сапог, возвания властей, линейки новых улиц, огромный почтамт — они были моей стихией. Все это было намного большим, чем одинокая фабричная труба в моей деревне или моя тамошняя отрада — сортировочная станция. Меня оставляют равнодушными зеленые луга любителей выбираться по выходным за город, так сказать на сентиментальное лоно природы, — я знаю природу, но она отлична от природы тех, кто отдыхает (с перерывом на обед) близ Эркнера³ или на Вольтерсдорфских шлюзах⁴, сидит на шатких, выкрашенных зеленым складных стульчиках и заканчивает свой отдых прогулками на катере. В городских универсальных магазинах ничто не раздражает меня так, как книжный отдел; обычно его располагают между ночными горшками и щипцами для завивки волос — чересчур неподъемный для меня цинизм торговцев. Это бесстыдство, но бесстыдство замечательное, я бы и сам поступил так же. В городе все обладает живительной, могучей, вдохновляющей силой. Только здесь я — человек⁵, только здесь мне и разрешается быть человеком. Я не придумываю: возбуждение улиц, магазинов, машин — вот пламя, которое непременно должно пульсировать во мне, когда я работаю, собственно говоря, практически всегда. Это бензин, питающий мой мотор.

Теперь о Берлине. Хаос городов. Скоро он превратится в Лондон, станет таким же интернациональным; поначалу — смешение народа, нынче смеше-



Альфред Дёблин

К ВОСТОКУ ОТ АЛЕКСАНДРПЛАЦ

Солнечное утро; я отправляюсь на прогулку по окрестностям Александрплац. Меня манит бурлящий людской поток; хоть раз я хочу обследовать периферию этого могучего организма. Широкие улицы, похожие на бульвары, ведут к площади, я подхожу к ней торопливым шагом со стороны Лихтенбергера. На Франкфуртераллее, посередине, — зеленые полосы газонов; улица стала выделяться. Вдоль улицы — магазины; витрины оформлены простовато, для бедных, много барахла. Из одного двора доносится песня, ищу откуда, захожу. Во дворе, по-театральному жестикулируя, поет смешной и жалкий молодой человек — что же он поет? Слава, слава тебе в победном венке¹. С начала до конца; я слышу эту песню впервые с 1918 года и не верю своим ушам. Люди подсмеиваются, некоторые смущены, молодой человек надрыдается во всю глотку. Он не бьет на сентиментальность. Заканчивает, начинает извиняться, раскланивается, и в его поведении нет никакой фальши: «Только не осуждайте меня. Я всего лишь делаю свое дело — как любой другой. Рабочий мне ничего не подаст, у него ничего нет». Алые, цвета крови, плакаты на стенах домов; все одинаковые: «Ты! Ты борешься за правое дело?» Листок бумаги — на нем изображен спасательный круг, брошенный в море, — агитирует за какую-то рабочую партию. Листовки, расклеенные на стенах домов, — барометр политических настроений. Я заглядываю в пивные; в них пусто. Хозяин одной рассказывает мне о том, что я и без него знаю: высокие цены; одна пивоварня даже была вынуждена продать половину своих лошадей, перешла на выпуск продовольствия. Жалеть нечего: хлеб лучше пива. На Штраусбергерплац, перед газетным киоском, толпится народ: в центре — длинноволосый юноша невысокого роста в рубашке с шиллеровским воротником² спорит с рабочим — спокойным пожилым человеком. Пожилой говорит: «Вы защищаете евреев». Молодому, вспльчивому, помогает товарищ: «Мы отнюдь не защищаем евреев. Но мы знаем, что капитализм коренится в классе, а не в национальности». Это первые услышанные мной уличные споры рабочих по вопросу антисемитизма. Но антисемитизм никому не интересен; вокруг — люди опытные.

ПРИЛОЖЕНИЯ



Н.С. Павлова

ЭПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА

Альфред Дёблин — один из крупнейших немецких писателей XX века. Его творчество не менее значительно, чем творчество Томаса Манна или Германа Гессе. Но русскому читателю это творчество, по сути, мало знакомо. Экспериментатор по духу, Дёблин пробовал себя в разных жанрах, точнее находился в постоянном поиске жанра. Он написал множество романов, среди них две трилогии, сочинял рассказы, пьесы, выпускал натурфилософские сочинения, был плодовитым эссеистом и театральным критиком. Его книги не только занимают большое пространство в немецкой литературе XX века — они осуществляют в ней особые возможности. Могучая эпичность Дёблина не имела аналогий, во всяком случае в первой половине века, представляя собой по художественной своей задаче противоположность высокому интеллектуализму Гессе или Манна. И в прошлом Дёблину близки иные традиции. Для него, как и для его коллег-современников, важен опыт Жан-Поля, а отчасти и Гёте, но опыт этот воспринят иной стороной. Не Жан-Поль — «дух, необычайно легко и свободно играющий, живой тканью сопрягающий все противоположности» (*Hesse H. Jean Paul // Hesse 1970/12: 212*), а Жан-Поль, приверженный стихии вещественного; не Гёте-классик, а Гёте-естествоиспытатель, стремившийся обнаружить законы, связывающие воедино живую и неживую природу. В отличие от Гессе или Т. Манна Дёблин опирался на немецкое барокко, на «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена, где Тридцатилетняя война, увиденная глазами ее современника, была представлена в ужасающей реальности, а в искусстве конца XIX века высоко ценил натурализм, не исчерпавший еще, по его мнению, своих возможностей.

Признаком подлинного эпического таланта Дёблин считал любовь к материалу, к материи жизни. Его опьяняло творчество «великого эпика» — природы, истории. Работая над романом «Валленштейн» (1920), он, как признавался потом, еле удерживался, чтобы не вставлять в текст целые страницы из хроник и географических описаний. Реальность — сотни лиц, событий, многоголосый шум жизни, ее краски, запахи, формы, чересполосица малого и великого: от названия шедшего на экранах в 1928 году фильма, которое упоминается в романе «Берлин Александрплац», до космических сдвигов, запечатленных в утопическом романе «Горы моря и гиганты» [sic!] (1924), — придвинута в его книгах вплотную к читателю.

СОДЕРЖАНИЕ

Альфред Дёблин
БЕРЛИН АЛЕКСАНДРПЛАЦ
ИСТОРИЯ О ФРАНЦЕ БИБЕРКОПФЕ

[Пролог]	9
КНИГА ПЕРВАЯ	11
На 41 номере в город	12
Он все еще не пришел в себя	15
Поучение на примере Цанновича	16
Неожиданный финал этого рассказа, который восстановил душевное равновесие человека, выпущенного из тюрьмы	21
Настроение бездеятельное, к концу дня значительное падение курсов, с Гамбургом вяло, Лондон слабее	24
Победа по всему фронту! Франц Биберкопф покупает телятину	29
А теперь Франц клянется всему миру и себе, что останется порядочным человеком в Берлине, с деньгами или без них	33
КНИГА ВТОРАЯ	37
Франц Биберкопф отправляется на поиски, надо зарабатывать деньги, без денег человек не может жить. Кое-что о горшечном торге во Франкфурте	46
Лина задает ходу гомосексуалистам	56
Хазенхейде, «Новый мир», не одно, так другое, и не надо делать себе жизнь тяжелее, чем она есть	62
Франц – человек широкого размаха, он знает себе цену	70
Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под стать античным героям!	78
КНИГА ТРЕТЬЯ	85
Вчера еще на гордых конях	86
Сегодня навылет прострелена грудь	89
А завтра в сырой могиле, нет, мы сумеем воздержаться	93

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	97
Горсточка людей вокруг Алекса	98
Биберкопф под наркозом, Франц забился в нору, Франц ни на что не желает глядеть	102
Франц бьет отбой, Франц играет обоим евреям прощальный марш	104
Ибо с человеком бывает как со скотиной; как эта умирает, так и он умирает	108
Беседа с Иовом, дело за тобой, Иов, но ты не хочешь	114
И у всех одно дыхание, и у человека нет преимущества перед скотиною	117
У Франца открыто окно, ну и забавные же вещи случаются на свете	118
Гоп, гоп, гоп, конь снова скачет в галоп	126
 КНИГА ПЯТАЯ	 131
Встреча на Алексе, холод собачий, в следующем, 1929, году будет еще холоднее	132
Некоторое время — ничего, передышка, дела поправляются	137
Бойкая торговля живым товаром	142
Франц задумывается над торговлей живым товаром, и вдруг ему это дело больше не нравится, ему хочется чего-нибудь другого	148
Местная хроника	152
Франц принимает пагубное решение, он не замечает, что садится в крапиву	154
Воскресенье, 8 апреля 1928 года	160
 КНИГА ШЕСТАЯ	 173
Чужое добро идет впрок	174
Ночь с воскресенья на понедельник, понедельник, 9 апреля	178
Францу не сделан нокаут, и ему никак не сделают нокаута	186
Воспрянь, мой слабый дух. Воспрянь и крепче встань на ноги	190
Третье завоевание Берлина	192
Платье делает человека, а у нового человека и глаза новые	194
У нового человека и голова новая	198
Новому человеку нужна и новая профессия, а не то можно обой- тись и без всякой профессии	203
На сцене появляется и женщина, Франц Биберкопф снова уком- плектован	206
Оборонительная война против буржуазного общества	213
Дамский заговор, слово предоставляется нашим милым дамам, сердце Европы не стареет	221
С политикой покончено, но это вечное бездельничание гораздо опаснее	225

Муха выкарабкивается, песок с нее сыплется, скоро она опять зажужжит	231
Побатальонно, в ногу, с барабанным боем — вперед марш!	235
Кулак уже занесен	241
КНИГА СЕДЬМАЯ	243
Пусси Уль, наплыв американцев, как пишется по-немецки «Вильма», через «ве» или через «фау»	244
Поединок начинается! Стоит дождливая погода	248
Франц, Франц-громилла, не лежит больше под автомобилем, а важно сидит в нем, он добился своего	253
Горести и утехи любви	259
Виды на урожай блестящи, впрочем, иной раз можно и оши- биться	265
Среда, 29 августа	272
Суббота, 1 сентября	277
КНИГА ВОСЬМАЯ	287
Франц ничего не замечает, и все идет своим чередом	288
Дело идет к развязке, преступники не поладили между собой	293
Присматривайте за Карлушкой-жестянщиком, с ним что-то творится	295
Дело налаживается, Карлушка-жестянщик засыпался и выкла- дывает все	299
И обратился я вспять, и узрел всю неправду, творимую на земле	306
И были это слезы тех, кто терпел неправду, и не было у них утешения	310
И восхвалил я тогда мертвых, которые уже умерли	312
Крепость осаждена со всех сторон, делаются последние вылазки, но это только для виду	315
Завязывается бой. Мы летим к черту в пекло, летим с музыкой	320
На Александрплац находится полицейпрезидиум	325
КНИГА ДЕВЯТАЯ	331
Черные дни для Рейнхольда. Впрочем, эту главу можно и про- пустить	332
Психиатрическая больница в Бухе, арестантский барак	337
Виноградный сахар и впрыскивание камфоры, но в конце концов в дело вмешивается кто-то другой	341
Смерть поет свою унылую, протяжную песнь	345
И вот Франц слушает протяжную песнь Смерти	350
Здесь надлежит изобразить, что есть страдание	356
Отступление злой блудницы и триумф великого заклателя, бара- банщика и громовержца	357
Лиха беда начало	358

Отчизна, сохрани покой, не влишну я, я не такой	360
В ногу — левой, правой, левой	363

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>Альфред Дёблин</i> . Берлин и художники. Пер. А. Маркина	369
<i>Альфред Дёблин</i> . К востоку от Александерплац. Пер. И. Алтуховой	371
<i>Альфред Дёблин</i> . [Берлин]. Пер. А. Маркина	374
<i>Альфред Дёблин</i> . Моя книга «Берлин Александерплац». Пер. А. Маркина	379
<i>Вальтер Беньямин</i> . Кризис романа. Пер. А. Маркина	381
<i>Альфред Дёблин</i> . [Кризис романа?]. Пер. А. Маркина	386
<i>Альфред Дёблин</i> . [Письмо] Юлиусу Петерсену. Пер. А. Маркина	388
<i>Вилли Хаас</i> . Замечания по поводу романа. Пер. А. Маркина	390
<i>Бернард фон Брентано</i> . Человека больше не сотворить. Пер. А. Маркина	393
<i>Альфред Дёблин</i> . Заметки о романе. Пер. Т. Баскаковой	395
<i>Альфред Дёблин</i> . Построение эпического произведения. Пер. Т. Баскаковой	399
<i>Альфред Дёблин</i> . Исторический роман и мь. Пер. Т. Баскаковой	423
<i>Альфред Дёблин</i> . О лицах и изображениях и об их подлинности Пер. Т. Баскаковой	442
<i>Альфред Дёблин</i> . О пользе музыки для литературы. Пер. Т. Баскаковой	450
<i>Альфред Дёблин</i> . Я расспрашиваю, я проверяю себя. Пер. Т. Баскаковой	453
<i>Альфред Дёблин</i> . Эпилог. Пер. Т. Баскаковой	463

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н.С. Павлова</i> . Эпическое начало в романах Альфреда Дёблина	479
Примечания. Сост. А.В. Маркин	509
Основные даты жизни и творчества Альфреда Дёблина Сост. А.В. Маркин	608
Газеты и журналы, упоминаемые в тексте романа или используемые Дёблином при монтаже	621
Список иллюстраций	623
Список сокращений	626



Ил. 1. Александрплац

Alfred Döblin

BERLIN
ALEXANDER-
PLATZ

Alfred Döblin

BERLIN
ALEXANDER-
PLATZ

DIE GESCHICHTE
VOM FRANZ BIBERKOPF

J. Fischer Verlag

Von einem einfachen
MANN wird hier er-
zählt, der in BERLIN
am ALEXANDERPLATZ

als
händler
MANN



Strassen-
steht. Der
hat vor

anständig zu sein,
da stellt ihm das
Leben hinterlistig ein

Bein. Er wird betrogen, er wird in Verbrechen
reingezogen,

zuletzt wird ihm seine
BRAUT
genommen und auf
rohe Weise



umgebracht.

Ganz
aus ist es mit dem MANN



FRANZ BIBERKOPF.

Am Schluss aber
erhält er eine sehr klare
Belehrung:



MAN FÄNGT NICHT SEIN LEBEN MIT
GUTEN WORTEN UND VORSÄTZEN AN,
MIT ERKENNEN UND VERSTEHEN
FÄNGT MAN ES AN UND MIT DEM
RICHTIGEN NEBENMANN.

Ramponiert steht er
ALEXANDERPLATZ,
hat ihn mächtig



zuletzt wieder am
das Leben
angefasst.



G. SALTER
GUT

Ил. 25. Суперобложка первого издания романа «Берлин Александрплац»



Ил. 34. Афиша фильма Ф. Ютци «Берлин Александрплац» (1931)